

VI

ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

Переход Плеханова на позиции марксизма не имел немедленных организационных последствий. Только в последние месяцы 1883 года он и его друзья создали Группу «Освобождение Труда», первую марксистскую организацию в истории русского революционного движения. Столь же поразительной кажется на первый взгляд организаторская деятельность Плеханова и его товарищей за предшествующие два года, сведения о которой приводятся в приложении к объявлению о создании Группы «Освобождение Труда» в сентябре 1883 года: «Ввиду неоднократно повторявшихся слухов о состоявшемся будто бы соединении старой группы „Черн[ый] Пер[едел]“ с „Нар[одной] Вол[ей]“, мы считаем нужным сказать здесь несколько слов по этому поводу. В последние два года действительно велись между обеими группами переговоры о соединении. Но хотя два—три члена нашей группы даже вполне примкнули к „Нар[одной] Вол[е]“, полное слияние не могло, к сожалению, состояться»¹. В течение довольно значительного периода времени Плеханов не только воздерживался от создания марксистской организации, но даже начал сближаться с террористами, которых так сурово осуждал прежде! Чем можно объяснить такую кажущуюся непоследовательность? И что вызвало крах попыток воссоединения, а затем новые и более сильные нападки Плеханова на «Народную Волю» — на этот раз от лица Группы «Освобождение Труда»?

Раскол «Земли и Воли» не исключал возможности воссоединения в будущем. Безусловно, существовали серьезные разногласия, как программные, так и теоретические. Тем не менее, дружеские отношения между представителями обеих фракций позволили разойтись мирно и сохранять теплые и полезные связи впоследствии. Отсутствие резкой критики сторонников политического террора на страницах «Черного Передела» было признаком нежелания вязаться в полемику, способную лишь усугубить разногласия и затруднить и, вероятно, сделать совершенно невозможным примирение в будущем. Конечно, нечего было и думать о примирении, пока не будут сняты, или хотя бы сглажены идейные расхождения. Однако, по мере того как революционеры

приобретали новый опыт и новые знания, такая возможность казалась вполне реальной.

Надежды Плеханова на «Черный Передел» после распада «Земли и Воли» не оправдались. Народническое движение истощалось, а дерзость и жертвенность народовольцев завоевали их организации огромный авторитет. Радикально настроенные студенты восхищались их романтическим героизмом и мужеством; свободомыслящие образованные круги общества и рабочие, выступавшие за политическую свободу, оказывали им моральную и финансовую поддержку, и из их рядов выходили новые члены террористической организации. Всеми уважаемый Михайловский тайно сотрудничал с ними. А на Западе вскоре выразил горячее восхищение народовольцами Маркс, назвав Россию «передовым отрядом революционного движения в Европе», а царя «военным пленником революции»². Исполнялось пророчество Плеханова о том, что террористическая деятельность поглотит все существо революционного движения, но удовлетворения от этого он не испытывал.

Точно так же мог быть поглощен и «Черный Передел». Покидая Россию вместе с Плехановым, Дейч и Засулич уже были наполовину убеждены, что не «Передел», а террористы указывают путь русскому движению³. Да и сам Плеханов не мог закрывать глаза на достоинства террористов. При всей их слабости в теории, с его точки зрения, это была единственная сила, ведущая действительную и мужественную борьбу против российского самодержавия.

Выступление Плеханова в Воронеже и ранее против политики террора было, в основном, результатом его твердого убеждения в том, что политические задачи чужды народу и несовместимы с социализмом. Но если через девять месяцев после прибытия на Запад писать, что знаешь «цену политической свободе», и приветствовать «всляческую борьбу за права человека», то вряд ли можно отрицать усилия народовольцев в этом направлении. Очень медленно Плеханов начинает понимать, что, вероятно, они, а не он, были правы в Воронеже; а это понимание сгладило существенные разногласия между этими двумя группами⁴.

² Плеханов Г. В. Соч. Т. 13. С. 26. Пару лет спустя Плеханов объяснил историческую роль «Народной Воли» знаменитой цитатой из Гегеля: «Сова Минервы вылетает лишь ночью». Террористы не вполне понимали значение той деятельности, которую начали. Они заблуждались, считая политические убийства подходящей стратегией для успешной революции, но при этом открывали новые существенные перспективы для революционного движения, выдвигая на первый план политическую борьбу (Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. 1. С. 141).

С другой стороны, ряд передельцев ошибочно полагали, что, признавая и СОБСТВЕННЫЕ заблуждения, народовольцы снова начинают обращать должное внимание на агитацию среди рабочих и крестьян⁴. Такого рода перемены как-то смягчили разногласия обеих фракций, и появилась надежда на объединение. В январе 1881 года Плеханов начал зондировать почву относительно возможности союза, выражая согласие на включение политической борьбы в социалистическую работу в массах, хотя еще и в не очень четкой формулировке⁵. Несколько месяцев спустя Аксельрод публично заявил, что скоро можно ожидать слияния этих двух организаций⁶.

Толки шли, а тем временем революционеры-эмигранты получили волнующее известие об убийстве Александра II. Наконец, после трех неудачных попыток, «царь-освободитель» был казнен народовольцами. Противники режима праздновали «победу», их ликование омрачалось лишь мыслями о том, что ждет арестованных заговорщиков. Многие понимали, что в момент величайшего своего торжества «Народная Воля» доказала свое бессилие. За нею не было силы, которая могла перейти в решительное нападение на государство после этого первого удара. Оставшиеся на воле террористы вынуждены были довольствоваться письмом к наследнику, предлагая прекратить свои действия в обмен на ряд политических реформ⁷. Разве стало бы победоносное движение выпрашивать реформы у царя? Письмо народовольцев было проявлением слабости, признанием своей способности дезорганизовать, но не свергнуть правительство. Ясно сознавая собственную силу, Александр III отверг предложенные планы умеренных реформ и начал царствование, прославившееся своей крайней реакционностью.

В среде эмигрантов-революционеров престиж терроризма поднялся на небывалую высоту, грозя увлечь за собой Дейча, Засулич и других передельцев, захваченных его успехами. Дейч писал Плеханову из Женевы в Париж, выражая мнение Засулич, Стефановича и свое собственное, что это — «грандиозное событие» и повод для ликования⁸. Он и его друзья, заявил он, ожидают дарования конституции в ближайшее время и жаждут вернуться в Россию, чтобы принять участие в продолжении борьбы. Плеханов отвечал, что не видит причин покидать Западную Европу именно сейчас, и пытался разубедить друзей. Стефанович отправился в Париж, чтобы обсудить положение с Плехановым, и вернулся разочарованный: Плеханов вовсе не горел желанием ринуться в бой и был совершенно поглощен изучением марксизма⁹.

Событие, воспламенившее столь многих, оставило его равнодушным. Его реакция основывалась на известном убеждении, что для успеха революции необходимо участие масс. Друзья начинали терять из виду это соображение, Плеханов же поддерживало в нем изучение марксизма*. Оно убеждало его в безрассудности методов, если не целей, терроризма. При отсутствии *класса*, способного ограничить власть самодержавия, все героические жертвы революционеров напрасны. «Еще одного Александра убьют,— говорил он,— еще двух— трех генералов, и на этом закончат они свое существование»¹⁰. У него еще не было полной уверенности относительно будущего хода развития России и истинных задач социалистов, однако он был убежден, что террористы избрали неверный путь.

Позиция Плеханова по вопросу о создании совместной с народо-вольцами организации хотя и стала более отчетливой за год после убийства царя в марте 1881 года, однако осталась неизменной по существу, последовательной во всем. Он по-прежнему был против повсеместного вовлечения революционных сил в политический террор, хотя и желал воссоединения революционного движения. Он опасался, что друзья готовы безоговорочно капитулировать перед народо-вольцами. И действительно, летом 1881 года вернулся в Россию и вступил в террористическую организацию Стефанович, а Дейчу лишь недостаток средств помешал последовать за ним. Стефанович засыпал Дейча письмами, полными жарких похвал народо-вольцам, их борьбе и перспективам. В ответ Дейч принял на себя обязанности их сторонника и агента в кругах эмигрантов, стремясь обеспечить народо-вольцам не только симпатии, но и финансовую и иную материальную поддержку. Засулич, гражданская жена Дейча, разделяла его взгляды. То, что Аксельрод, проживавший отдельно в Цюрихе, склонялся к их убеждениям, видно из одобрительных замечаний в адрес террористической организации в его речи на съезде немецких социал-демократов весной 1881 года¹¹.

В последующие месяцы Плеханов еще более приблизился к позиции безоговорочного принятия марксизма со всей сопутствующей социал-демократии политической ориентацией, и взгляды его резко разошлись со взглядами прежних друзей, что стало совершенно очевид-

* Дейч сообщает, что Плеханов пытался привлечь его и Засулич к изучению трудов Маркса. Но то, что они сумели узнать, пока не поколебало основ их мировоззрения (Дейч Л. Г. Как Г. В. Плеханов стал марксистом. С. 38).

но, когда осенью 1881 года он вернулся из Парижа в Женеву. Произошла бурная ссора с Дейчем, и дружба их внезапно остыла. Состояние умов его женеvских друзей, как он писал Лаврову, можно выразить словами: «соединимся во что бы то ни стало, хотя и поторгнемся, сколько возможно»¹². Он считал, что воссоединение, как бы он его ни желал, принесет больше вреда, нежели пользы, если будет проведено на ошибочных теоретических и программных основах. Его политика в последующие полтора года исходила из того, что корректировка идеологической линии революционного движения должна предшествовать скороспелому, безраздельному слиянию.

Он знал, что в конце 1881 года такое слияние означало бы ассимиляцию передельцев в «Народной Воле» и фактическую потерю возможности перевести это движение на руло марксизма. Для того, чтобы иметь хоть какую-то надежду на возможность влияния марксизма, ему прежде всего нужно было добиться единства своих коллег. Нельзя достичь соглашения с народовольцами без объединения собственной фракции. Отсюда и его попытки убедить их не возвращаться пока в Россию, и жажда просветить их по части марксизма. Этой задаче он уделял немало внимания зимой 1881—1882 гг. и после. Плеханов не ограничился бывшими передельцами: он совершил открытие для себя и рвался поделиться им со всеми. Плеханов убеждал всех русских знакомых в Женеве взяться за изучение марксизма и выступил с циклом лекций о марксизме и его значении для понимания положения в России. Дейч говорит, что лекции имели огромный успех, но никого не обратили в новую веру. Позднее выяснилось, что следовало бы просветить и передельцев в России; ошибка оказалась невольной, но дорогой. Забвение необходимости идейного воспитания товарищей на родине привело к тому, что организаторы первой марксистской революционной группы потеряли их поддержку и в момент основания своей организации оказались практически изолированы от России¹³.

Лишь постепенно Плеханову удалось возродить свой авторитет у друзей и сплотить группу для организационных действий. С его возвращением в Женеву Дейч и Засулич подверглись давлению с противоположных сторон. Стефанович из России продолжал слать восторженные известия о народовольцах и убеждал эмигрантов окончательно примкнуть к террористической организации. Плеханов использовал все свое влияние, чтобы отговорить их от такого решительного шага, подчеркивая необходимость посвятить свое время овладению марксизмом. Фактически была принята двойственная, компромиссная по-

литика. Дейч и Засулич сотрудничали с «Народной Волей» в организации типографий и сборе средств. Через них удалось привлечь и Плеханова к литературному сотрудничеству; в частности, что характерно, он согласился собирать материал для печатания листовок к рабочим в России¹⁴. В то же время Дейч и Засулич серьезно принялись за занятия и постепенно перешли на марксистские позиции. Аксельрод, находившийся в Цюрихе, где помещался штаб и печаталась газета преследуемых немецких социал-демократов, был в курсе событий европейского социалистического и рабочего движения и вел их обзор в русской либеральной газете. Благодаря своим обширным связям с немцами, он также сближался с позициями социал-демократов. Но и он, как и остальные, высоко оценивал мужество «Народной Воли», пробудившей в революционном движении сознание необходимости борьбы за политическую свободу¹⁵.

Весь 1882 год время от времени возобновлялись переговоры относительно более тесного сотрудничества и последующего слияния двух групп. Эта ситуация отражала колебания прежних передельцев относительно возможности сотрудничества со сторонниками террора. Плеханов и его друзья сочувствовали тем, кто ведет бескомпромиссную борьбу против общего врага, но все более склонялись к критике идейной позиции народovolьцев. В самом начале следующего года выявилось новое резкое расхождение во взглядах. В связи с переговорами кружок Плеханова в феврале получил письмо от народovolьцев в России, поразившее всех выраженными в нем взглядами¹⁶. До сих пор «Народная Воля» выдвигала задачи свержения царизма посредством народной революции, с последующим созывом учредительного собрания; или, как альтернативу, требование у царя политических прав. Теперь Тихомиров, автор письма, радикально изменил планы «террористов». «Государственный переворот», первым актом которого, по его объяснению, будет захват революционерами власти, «это наше быть или не быть... Этой цели подчиняется у нас ВСЕ: программа, тактика, все интересы, все вопросы... Это вы должны глубочайшим образом понять, если хотите быть с нами»¹⁷. В Советах «Народной Воли» победила идеология Ткачева.

Этот сдвиг был запоздалой реакцией оставшихся на свободе террористов на фиаско 1 марта 1881 года. Убийство царя ничего не изменило, и банкротство тактики убийств стало совершенно очевидным. Народovolьцы давно отчаялись поднять народ на революционную борьбу и явно не имели намерения вернуться к массовой агитации.

Таким образом, для тех, кто продолжал готовить революцию, оставался единственный выбор — прямой захват власти группой заговорщиков. Те, кто, как Тихомиров, были особенно чувствительны к вопросам и реальностям власти, сделали вышеприведенные выводы, когда пришли к руководству в организации.

Плеханов мрачно воспринял известие о новом направлении, охарактеризованное им как «немыслимое». Теперь он более, чем когда-либо противился объединению с народовольцами, которые, как он заявил, «не имеют элементарных понятий о современном социализме и западноевропейском рабочем движении»¹⁸. Он искал и нашел решение теоретических вопросов в изучении марксизма, поэтому ему были особенно непонятны и неприятны такие места в письме, как например: «Для того, чтобы действовать рука об руку, как товарищи, мы должны согласиться в основной точке зрения и выяснить ее, что и есть самая трудная задача. Тут важны не подробности, не частности, не то, что один — социалист, а другой — политический радикал, не то, что один действует в народе, а другой среди военных... Все это частности, в которых можно расходиться, не переставая работать одному богу. И существенная черта народовольцев, его (их) отличие от революционных направлений именно в том, что для народовольцев все такие вещи — частности. С начала до конца народовольство было направлением НЕ-МЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ, ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА... Мы, какие были, такие и есть, т. е. не радикалы и не социалисты, а просто НАРОДОВОЛЬЦЫ»¹⁹.

Возможно, под влиянием Плеханова друзья его также испытывали дурные предчувствия относительно этого письма народовольцев. Однако они советовали отвечать в примирительном духе, чтобы не погубить все шансы на союз. Плеханов был в нерешительности. В вопросах теории, рассуждал он, народовольцы так невежественны и нетверды, что невозможно будет работать с ними в одной организации. Однако тактические соображения диктовали осторожность. Если бы он настоял на открытом разрыве, как это было в Воронеже, он мог снова остаться в изоляции. Чтобы избежать ошибки, он готов был, хотя бы на время, склониться перед требованиями «партийной дисциплины». Он знал, что после возвращения в Женеву ему удалось изменить взгляды друзей. В ожидании полного единства мыслей он считал, что стоит уступить. Поэтому он согласился с дипломатическим ответом, который написал народовольцам Дейч²⁰. Они согласились считать разногласия незначительными и ни в коем случае не препятствующими объединению.

В это время Лавров и известные революционеры Кравчинский и Кропоткин вели переговоры с группой Плеханова по вопросу об объединении. Для единой организации планировалось издание за границей журнала «Вестник Народной Воли». Редактировать его, вместе с Кравчинским и Лавровым, был приглашен Плеханов. Весной 1882 года он выразил в письме Лаврову свои надежды и опасения относительно журнала и перспективы слияния. Он готов быть редактором, поскольку этого желают Лавров и другие его друзья; однако подчеркивает условность своего согласия, обращая внимание на расхождения с мировоззрением народовольцев: «...несогласия наши с народовольцами вовсе уже не так незначительны, как это может показаться из письма к ним. Письмо это написано, по разным соображениям, более или менее дипломатического свойства. Вы знаете мой образ мыслей, могу Вас уверить, что он не переменялся с того времени, как я оставил Париж. Если мы не оттеняем, не указываем на свои разногласия в письме, то это объясняется тем, что надеялись и надеемся мирным путем повернуть „народовольчество“ на надлежащую дорогу... В случае неудачи с нашей стороны, нам придется стать в оппозицию; удобно ли это будет для меня, как редактора „Народной Воли“? Затем, между мной и Сергеем Михайловичем [Кравчинским — С. Б.] существует, как мне кажется, немаловажная разница в воззрениях: он что-то вроде прудониста, я — НЕ ПОНИМАЮ Прудона; характеры наши тоже не совсем сходны: он — человек, относящийся в высшей степени терпимо ко всем оттенкам социалистической мысли, я — готов создать из „Капитала“ Прокрустово ложе для всех сотрудников „Вестника Народной воли“»²¹. Плеханову вскоре предстояло узнать, что по вопросу о приемлемых пределах разногласий между социалистами Лавров стоит гораздо ближе к Кравчинскому. Его собственное пристрастие к теоретической ортодоксии стало самой заметной чертой его политической карьеры.

В последующие месяцы Дейч, Засулич и Аксельрод полностью присоединились к Плеханову в вопросах идей и тактики. Таким образом, судьба союза двух групп, в конечном счете, зависела от того, согласятся ли народовольцы устроиться на «прокрустовом ложе», которое собирался сделать для них Плеханов. Некоторое время сохранялось двойственное положение, и фракции с трудом, но продолжали сотрудничать.

Летом 1882 года Тихомиров эмигрировал из России в Швейцарию после новых, сокрушительных репрессий против террористической организации. Тем временем Кравчинский отказался от редактирования

будущего журнала, и на его место прочили Тихомирова. Недавний разгром, похоже, несколько отрезвил Тихомирова относительно новой программы «Народной Воли», но, в то же время, взгляды, выраженные им в беседах с группой Плеханова, начисто исключали возможность сотрудничества. Он сказал Дейчу, что Маркс — шарлатан, который сам не верит в свои пророчества²². Он сказал Аксельроду, что нелегальная организация из нескольких сотен преданных революционеров важнее успехов немецких социал-демократов на выборах²³. Плеханову он дал понять, что терпимо относится к еврейским погромам 1881 года на юге России и не интересуется установлением контактов с немецкими социалистами²⁴. Плеханов считал взгляды Тихомирова несоместимыми с собственными социал-демократическими убеждениями и предположил, что вряд ли они сработаются в качестве редакторов. Однако Тихомиров обезоружил его заявлением, что сам он ничего не имеет против социал-демократии; тем не менее, утверждал он, русские революционеры в целом настроены против нее, поэтому необходимо постепенно подготовить их к принятию социал-демократической программы²⁵. Тогда Плеханов тут же согласился быть редактором при условии, что получит полную свободу в «перевоспитании» движения. По всей видимости, Тихомиров полностью принял задачи группы Плеханова.

Трудно дать точную оценку поведению Тихомирова в то время. Считается, что он разочаровался в программе «Народной Воли» после множества поражений и потерь. Быть может, по этой причине, а также ввиду полного равнодушия к теории, он готов был пойти на уступки, если этим можно было чего-то достичь. Но совершенно ясно, что он не понимал целей и задач социал-демократии и не сочувствовал ей. Тем не менее, по ряду вопросов Тихомиров соглашался с социал-демократами: как и они, он плохо представлял себе, что остается делать народникам. Более того, его приятно поразило, что марксисты оказались вовсе не тихонями, а, напротив, придерживались крайних политических взглядов²⁶. Для человека, превыше всех теоретических систем ставившего боевой революционный дух, это было очень веское соображение. И наконец, что, вероятно, было важнее всего, Тихомиров понимал, что его организация может вновь встать на ноги только с помощью революционеров, обладающих авторитетом и талантом. Засулич, Плеханов, Аксельрод и, по-видимому, сочувствующий им Лавров — с этими именами стоило считаться. Их привлечение к работе в «Народной Воле», безусловно, стоило некоторых теоретических уступок.

Так развивались события примерно в течение года. Только летом 1883 года народовольцам удалось собрать средства на издание «Вестника Народной Воли». Тем временем Плеханов, поймав Тихомирова на слове, вместе с Аксельродом готовил для первого номера журнала мощный урок марксизма. Аксельрод написал статью, наполненную марксистским духом и озаглавленную «Социализм и мелкая буржуазия». В рецензии на книгу историка А. П. Шалова Плеханов призывал к критике народничества. И сам начал эту критику в большой статье «Социализм и политическая борьба», где приводил в пример социал-демократическое движение в качестве способа преодоления недостатков современных революционных программ. Что касается «Народной Воли», то он назвал ее «самой революционной, но и самой беспринципной» из всех оппозиционных партий²⁷.

По мере приближения даты выхода журнала фракции начали маневрировать в борьбе за положение и влияние. Плеханов пытался изменить название журнала на менее официальное. Ему не очень импонировала перспектива работать под флагом идей и традиций, столь отличных от его собственных²⁸. Он также решил внести социал-демократический оттенок в объявление о новом журнале²⁹, в котором редакторами издания излагалась концепция целей и задач революционной партии.

Непреодолимым барьером, однако, оказалось не это, а организационный вопрос. Весной 1882 года, по-видимому, было достигнуто устное соглашение о слиянии двух групп. Ввиду приближения срока выхода журнала фракция Плеханова настаивала на официальном объявлении о слиянии двух групп с изложением принципов нового объединения. Им не очень хотелось работать в организации, не имея прав и привилегий ее членов. Однако Тихомиров сделал крутой поворот, ссылаясь на устав «Народной Воли», который запрещает прием целой группой. Фракция должна быть распушена, а прием будет производиться индивидуально, голосованием народовольцев.

Плеханов и его друзья были возмущены таким неожиданным поворотом дела, ибо, как Плеханов писал Лаврову, не считали для себя возможным «разбиться на атомы, чтобы быть ассимилированными организацией „Народной Воли“»³⁰. И, при всем прочем, они возражали против выдвижения уставных вопросов теперь, когда очередные правительственные репрессии оставили от террористической организации лишь горстку зеленой молодежи. Неужели ветераны борьбы, которые так много могут дать организации, должны подвергнуться столь

унизительной процедуре из-за нелепого крючкотворства? Кроме того, имелись сведения, что часть народовольцев намерена забаллотировать, как минимум, одного представителя фракции³¹. Бывшие передельцы категорически отказывались принять эти условия. Увидев, что может потерять все, Тихомиров попытался сгладить инцидент, предложив переговорить с товарищами в России и уладить спорный вопрос. Однако, поскольку до принятия решения могло пройти много времени, полностью исчерпать его не удалось. Передельцы выразили недовольство, частично сократив свое участие в сотрудничестве.

Бывших передельцев раздражала создавшаяся ситуация. Они рассчитывали на возможность серьезного воздействия, а оказалось, что речь идет о простой эксплуатации их талантов. Они чувствовали, что общественность будет считать их народовольцами, каковыми они, в сущности, не являются; что они будут трудиться во славу организации, которая не гарантирует им права голоса. Перспектива представлялась настолько неприятной, что они начали обсуждать возможность создания новой группы³² и соответствующих действий впоследствии. Плеханов взялся за поиски средств для независимого издания³³. Дейч попробовал убедить Аксельрода не давать в «Вестник» обещанную статью, а Плеханов надеялся, что его большую статью отвергнут, поскольку она может послужить мощным толчком для начала марксистского движения³⁴. С этой целью Дейч указал жене Тихомирова на чуть ли не оскорбительные замечания в адрес «Народной Воли», содержащиеся в статье³⁵. Интрига сработала. Тихомиров лаконично объявил, что статья может быть напечатана только в измененном виде, или если ему будет разрешено поместить к ней пояснительную заметку. Он не соглашался на то, чтобы Плеханов тоже написал пояснение, и, таким образом, оставил последнее слово за собой, поэтому окончательным решением стало отклонение статьи. Тогда Плеханов сложил с себя обязанности редактора, пообещав продолжать сотрудничество на другой основе³⁶.

Конечно, Тихомиров и его группа не были слепы к усилиям бывших передельцев ускорить разрыв^{*}. И он, безусловно, склонен был недо-

^{*} Анализ переписки и воспоминаний лиц, участвовавших в конфликте, не оставляет впечатления о каких-либо усилиях чернопредельцев, направленных на то, чтобы разрыв состоялся. Иначе становятся непонятными их попытки действовать сообща. См. также: Лавров П. Л. Годы эмиграции: Архивные материалы. В 2 т. Т. 1. Dordrecht; Boston, Б. г. С. 72—145.— Прим. ред.

оценивать результаты собственного поведения, восстановившего бывших соратников против него и вызвавшего их подозрения. Его *volteface* [резкий поворот — фр.] был следствием постепенного осознания, что он зашел слишком далеко, предоставив противной фракции полную свободу. Та агрессивность, с которой Плеханов пропагандировал марксистское мировоззрение в статьях для нового журнала, возможно, показала Тихомирову их опасность для народолюбцев; да и оказывавшееся со стороны товарищей в России давление имело немаловажное значение. Они указывали в письме, что Плехановская группа не даст ничего, или почти ничего, для боевых сил в России и финансового положения организации, но может захватить идейное лидерство³⁷. Есть все основания для осторожности в отношении социал-демократов.

Обе стороны явно теряли интерес к слиянию, которое подготавливали более года. Полный крах этой попытки был лишь вопросом времени. Произошел он следующим образом. Дейч не получил письма от Стефановича из России и подозревал, что его перехватили народолюбцы. Последние выразили полное недоумение, но, в конце концов, под сильным давлением отдали письмо. Тихомиров утверждал, что организация «имела право взять письма своего члена»³⁸. Но Плеханов заявил, что разоблачение методов народолюбцев лишило его «всякого уважения не к „партии“, конечно, а к людям, ее здесь представляющим»³⁹. В конце августа произошла бурная встреча Тихомирова и Плеханова; и 12 сентября разрыв завершился объявлением о создании Группы «Освобождение Труда» и ее печатного органа — «Библиотеки Современного Социализма».

Так закончилась попытка объединения этих двух несовместимых групп. Масштаб разногласий между ними не допускал возможности устойчивого союза. В конце концов заговор с целью захвата власти группой революционеров имел довольно мало общего с принципами социал-демократии, как их понимали в 1880-х годах. Поскольку два этих направления не могли ужиться в счастливом союзе, естественно, что каждое стремилось поглотить другое. В противном случае продолжение связи не имело смысла. Каждая из сторон имела основания обвинять другую в интригах и вероломстве. Обе считали, что на карту поставлено будущее революционного движения. И каждая готова была прийти к соглашению только на условиях господства собственных

взглядов*. Бывшие передельцы хотели использовать популярность «Народной Воли», но при этом привнести в эту организацию социал-демократическое содержание. Тихомиров, как выяснилось, намерен был воспользоваться известными именами, опытом и талантами бывших передельцев в целях собственной организации, при этом не давая им решающего голоса. Народовольцы были исполнены решимости не укладываться в «прокрустово ложе» Плеханова. Основным результатом краха переговоров явилось рождение первой русской марксистской революционной организации.

* В течение всей этой перестрелки Тихомиров старательно представлял себя Лаврову как проповедника единства и компромисса, изображая противников саботажниками и интриганам. В этом ему удалось преуспеть, ибо Лавров остался редактором после того, как другие прекратили сотрудничество. Таким образом, побочным результатом разрыва стало прекращение дружеских связей между Плехановым и Лавровым. Смертный грех, в котором обвинял Лавров своего прежнего друга, состоял в борьбе с другими революционерами, а не с общим врагом (Лавров П. Л. *Рец. на кн.: Плеханов Г. В. Социализм и политическая борьба. Женева, 1883 // Вестник Народной Воли. 1884. № 2. С. 65.*